

18 сентября 1974 г.

Нам СОВБЕСЕДНИК

Народная артистка СССР

Клавдия Шульженко

У каждого из нас и у всех вместе есть большой испытанный друг — песня. В счастье и в беде, труде и отдыхе она всегда рядом. Настоящая песня никогда не старится и не кичается никогда. Как бы высоко ни вознеслась музыкальная культура общества, песня, простая задушевная мелодия всегда будет согревать нам сердце. И потому мы так благодарны певцам, композиторам, поэтам, что приобщают нас к волнующему миру гражданской, лирической, жанровой песни, которая стала неизменным спутником нашей жизни.

А коль скоро речь зашла о песне, всем нам, конечно же, сразу вспоминаются имена любимых исполнителей, и среди них имя Клавдии Шульженко, чье творчество уже целых полвека приносит людям радость.

В эти дни народная артистка СССР К. И. Шульженко принимает участие в массовых празднествах, проходящих под девизом «Союз труда и искусства» на стадионах различных городов страны. Каждому выступлению певицы, как всегда, сопутствует огромный успех у зрителей. После одного из таких концертов с Клавдией Ивановной встретился корреспондент «Ленинского знамени» А. АМАСОВИЧ, попросивший артистку рассказать о ее творческом пути, о массовой советской песне, которой она посвятила свою жизнь. Предлагаем вниманию читателей запись беседы с народной артисткой СССР К. ШУЛЬЖЕНКО.

ЛЮБОВЬ МОЯ — ПЕСНЯ

— Вот о чем, Клавдия Ивановна, прежде всего хочется вас спросить. Сколько за минувшие десятилетия прошло и ушло мод на песни, на манеру исполнения, а «шульженковские» песни все держатся и люди им по-прежнему горячо аплодируют. Я узнавал: только за последние полтора года в грамзаписи снова огромными тиражами выпущено более двадцати пяти ваших песен, и среди них немало тех, что исполнялись вами много лет назад. В чем тут «секрет», чем вы объясните счастливую судьбу этих песен-долгожителей?

— Ну, прежде всего надо воздать должное их авторам — композиторам и поэтам, создавшим мелодичную музыку, содержательный, умный текст. И еще: каждый певец, я убеждена, должен смолodu обрести собственный «почерк», свою исполнительскую индивидуальность. Не поспешать, не суетиться, не соблазняться сиюминутным успехом иных своих коллег. Надо в любых обстоятельствах оставаться верным своим человеческим и творческим принципам, и, конечно же, иметь их. В песню, чтобы она долго жила, думается мне, должно быть вложено не только вокальное и артистическое мастерство, но прежде всего тепло души, которое делает ее особенно близкой слушателям, независимо от течения времени.

— Что является для вас главным при выборе песни?

— Ее содержание. Остальное — потом. Мне всегда хочется, чтобы каждая моя песня стала новеллой — пусть маленькой, но обязательно емкой по мысли и чувствам. Взять, к примеру, «Три вальса». Продолжительность этой песни-монолога всего три минуты. Все равно — мимикой, жестами, оттенками голоса надо добиться того, чтобы перед глазами зрителей как живые встали три страницы из жизни женщины: ее юность, зрелость и старость, вся история большой, стойкой любви. Это по существу целый маленький спектакль, и надо сыграть и пережить все так, чтобы люди тебе поверили.

— Наверное, у ваших песен есть свои любимые истории. Ну, например, «Руки». Расскажите, пожалуйста, как появилась на свет эта полюбившаяся многим песня?

— Тут случай действительно несколько необычный. Прямо как будто для интервью задуманный. Однажды, еще до войны, был у нас какой-то товарищеский театральный банкет, не помню уж по какому случаю. Среди приглашенных находился известный поэт Лебедев-Кумач. Василий Иванович почему-то долгое время смотрел на мои руки, чем, признаться, привел меня в немалое смущение. Потом он отвернулся от дружеского застолья, достал блокнот и стал что-то писать.

Оторвав листок, Василий Иванович протянул мне: «Вам. На память».

Нет, не глаза твои я вспоминаю в час разлуки, Не голос твой услышу в тишине,

Я вспоминаю ласковые, трепетные руки, И о тебе они напомнят мне...

Стихи стали потом песней, музыку написал композитор Илья Жак, песня прощас. Только ни в коем случае не подумайте, что всегда так быстро и просто все получается. «Руки» — это счастливая случайность. Бывает, что над текстом и музыкой песни работа у поэта, композитора и артиста — ее первого исполнителя — длится месяцами. Это процесс чаще всего мучительный, полный сомнений, и далеко не всегда в итоге по-

лучается то, что хотелось бы, что понравилось бы нашим слушателям. Сколько песен сама жизнь списала в «отходы». Поэтому так взыскательно, можно сказать придирчиво, приходится относиться к формированию своего репертуара. Ведь вслед за артистом песню будут повторять, «применять» к своей душе тысячи людей.

— Такой взгляд на искусство, несомненно, складывался у вас с годами, в процессе, так сказать, артистического возмужания. А с чего вы начинали, как стали актрисой, когда полюбили пение?

— Видимо, тут сыграла немалую роль обстановка, царившая в нашей семье. Отец мой был бухгалтером в управлении железной дороги, но при этом страстно любил музыку — играл в любительском духовом оркестре, иногда пел соло в клубных концертах. От него я маленькой девочкой впервые услышала мудрые украинские песни. Может быть, пример отца и родил во мне первое влечение к сцене.

— Когда же вы впервые решились «уйти в актрисы»?

— К этой мысли я пришла, хорошо это помню, в ночь под Новый, 1923 год. Мне незадолго до того исполнилось 16 лет. И вот со своей окраинной рабочей Москваевки я отправилась к подъезду Харьковского драматического театра. Меня пропустили к его главному режиссеру Н. Н. Синельникову.

— Я хотела бы вступить в труппу руководимого вами театра, — выпалила я в смущении заранее приготовленную фразу.

— А что мы умеем? — спросил Николай Николаевич.

— Петь, декламировать, танцевать...

— Пожалуй, спойте, — сказал режиссер и указал на рояль. — Наш концертмейстер поможет вам. Дуня, будьте добры.

Дуней, как его всю жизнь ласково называли друзья и близкие знакомые, оказался худенький, небольшого роста молодой человек, который стал впоследствии известным советским композитором, написавшим музыку к таким замечательным фильмам, как «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Богатая невеста», и другим. Вы уже, конечно, догадались, что речь идет об Исааке Осиповиче Дунаевском... Так вот, юный Дуня спросил меня о тональности моего голоса, взял первые аккорды, и я запела «Распрягайте, хлопцы, коней». «Повел» меня пианист великолепно, режиссер после прослушивания пригласил прийти на другой день на репетицию «Периколлы», и я до сих пор думаю, что была принята на сцену из-за блестящего аккомпанемента сумевшего меня «подать» Дунаевского. Вообще я убеждена, что роль аккомпаниатора в жизни каждого вокалиста очень велика. О своем друге и коллеге, талантливом пианисте и композиторе Давиде Владимировиче Ашкенази я могу сказать: когда он за роялем, у меня словно вырастают крылья вдохновения.

Таким образом, полвека назад началась моя работа в театре у Николая Николаевича Синельникова, крупнейшего мастера русской режиссуры, о котором не случайно в актерской среде еще до революции говорили: «В императорском училище — школа, у Синельникова — университет». На всю жизнь запомнились мне уроки Синельникова. «Ты должна играть песню», говорил он мне, — играть, как играют спектакль, — с той разницей, что ты будешь единственной исполнительницей всех ролей. Это трудно, но ты актриса, а лучшие певцы на Руси

всегда были настоящими актерами».

— Что же вы пели в те первые годы?

— Вопрос «что петь?» был тогда самым жгучим. К сентиментальным душещипательным романсам и псевдоцыганщине, оставшимся от прошлого, у меня душа не лежала. Хотелось петь о том, чем жили в то время советские люди, чем дышало первое послереволюционное десятилетие. Но таких песен было еще очень-очень мало.

Тем не менее с помощью ряда молодых авторов, среди которых был, например, композитор Юлий Мейтус, служивший в гражданскую войну в частях Первой Конной армии, поэт Павла Германа, написавшего тогда к музыке Юлия Хайта текст и поныне знаменитого «Авиамарша» с его волнующими словами «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...», и других товарищей мне удалось создать пусть не очень совершенный, но все же современно звучащий репертуар. Тут были песни «Гренада» на слова популярного стихотворения М. Светлова, «Колонна Октября», «Шахта № 3» и другие. С этим репертуаром я приехала в 1928 году в Ленинград «попытать счастья» на новом месте.

— И с тех пор стали профессиональной артисткой эстрады, выступающей в жанре лирической песни?

— Нет, не сразу. Сначала участвовала в спектаклях Ленинградского мюзик-холла; в одном из них — «Условно убитый» — мы вместе с молодым Леонидом Утесовым исполняли главные роли. Снималась в фильме «Кто твой друг», где моими партнерами были совсем юные в ту пору, впоследствии выдающийся артист Николай Черкасов и популярный Леонид Кмит. С начала тридцатых годов я уже целиком переключилась на пение, почувствовала, что это и есть главное призвание моей жизни. Надо сказать, что к этому времени положение с советским песенным репертуаром несравненно улучшилось. Отличные песни были созданы и тогда, и в последующие годы композиторами Шостаковичем, Держинским, Дунаевским, Соловьевым-Седым, Блантером, Новиковым, Милютиним, Табачниковым и другими. Живым интересом прониклись к массовой советской песне многие наши талантливые поэты.

— А что вы делали во время войны?

— Вместе с Владимиром Коралли мы руководили фронтовым джаз-ансамблем, который провел все блокадное время в Ленинграде. Коллектив наш дал более тысячи концертов на аэродромах, во фронтовых землянках, на «Дороге жизни», проложенной через Ладогу, — мы пели и играли для защитников города Ленина. Особенно популярными среди фронтовиков были песни «Мама», «Руки» и, конечно, «Синий платочек».

— Скажите, как вы расцениваете сегодняшнее положение на нашем песенном фронте?

— Композиторы и поэты создают немало новых интересных произведений. Есть способные певцы и певицы. Мне лично нравятся, например, Ольга Воронец и Иосиф Кобзон. Но настораживает явное однообразие исполнительской манеры и репертуара, которые наблюдаются в последнее время на эстраде. Уж очень много развелось всевозможных вокально-инструментальных ансамблей и солистов, которых трудно отличить друг от друга. Хотелось бы, чтобы каждый из них имел свое оригинальное творческое лицо. И еще: на мой взгляд, нам сейчас не хватает новых подлинно массовых песен, которые подхватил бы весь народ. Я имею в виду песни не узко эстрадного плана, а такие, как, например, «Широка страна моя родная», «Нам песня строить и жить помогает». Тут поэты и композиторы в долгу перед народом.

— Что бы вы, Клавдия Ивановна, хотели сказать в заключение читателям «Ленинского знамени»?

— И им, и всем трудящимся! Любите, мечтаете, горите, словом, не старейте...», как поется в одной из моих любимых песен.

67